

ОТ КОНСТРУКТИВИЗМА К «УПРОЩЕННОМУ МОДЕРНИЗМУ»: ЛОМАНАЯ ТРАЕКТОРИЯ РАДИКАЛЬНОГО УТОПИЗМА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ.

Резюме

Ви́раг Молнар

В статье представлен анализ послевоенного наследия конструктивизма как ключевого примера радикального утопизма в Венгрии, цель настоящего исследования – показать значимое, пусть и не постоянное, влияние этих идей на послевоенные планы по крупномасштабной трансформации городской застройки. В Венгрии и других центральноевропейских странах особенно интересно проследить траекторию радикального утопизма при социализме по той причине, что все они находятся на пересечении восточной и западной сфер влияния: после 1945 года все эти страны оказались втянутыми в политическую и культурную орбиту Советского Союза, сохранив при этом интеллектуальные связи с Западной Европой, завязавшиеся еще в межвоенный период. Исследование показывает, как под давлением с мест и извне, со стороны акторов международной политики, эти разнообразные интеллектуальные традиции переводили радикальный утопизм в осязаемые социальные реформы, в частности за счет крупномасштабной трансформации застроенной окружающей среды. Что касается теоретических проблем, то эта статья призывает к пересмотру преобладающей в науке позитивистско-эволюционистской модели искусства и архитектуры, согласно которой художественное развитие представляет собой линейную последовательность вечно прогрессирующих стилей, четко обозначающих и отличающих дискретные исторические эпохи. Заостряя внимание на нетривиальной роли исторического контекста и внештатных ситуаций, пример послевоенного конструктивизма в Венгрии демонстрирует ломаную траекторию и периодическое возвращение художественных тенденций. Кроме того, в представленном исследовании выдвигается предположение о том, что подобные процессы имели место и в других странах, находящихся в схожем геополитическом положении.

Архитектура всегда имела для конструктивистов особое значение: они были твердо убеждены, что живопись, скульптура и декоративные искусства рано или поздно растворятся в архитектуре, таким образом соединив искусство и технику

в единое целое. Отчасти именно поэтому в центре внимания в этой работе находится архитектура. Я собираюсь продемонстрировать, сколь значимым, пусть и не постоянным, было влияние конструктивизма на послевоенную венгерскую архитектуру. Вместо того чтобы, как в других странах, доминировать в течение сколь-нибудь длительного времени и затем постепенно сойти на нет, в Венгрии преобладание конструктивизма в архитектуре проявлялось несколько раз – короткими, но весьма интенсивными вспышками. Сразу после войны, с 1945 до 1949 года, конструктивизм вдохновлял смелые замыслы по восстановлению Будапешта и возведению новых общественных зданий – замыслы, распространявшие и радикализировавшие модернизм межвоенной эпохи. Но эту лишь начавшуюся складываться тенденцию в зародыше загубил коммунистический политический переворот, насадивший вместо него привнесенную из Советского Союза эстетическую парадигму социалистического реализма. В начале 1960-х годов конструктивизм прошел политическую реабилитацию и снова стал основой экспериментальных проектов по массовому жилищному строительству. Кульминацией этого периода был амбициозный проект «Длинного дома» (*szalagház*) – многоэтажного многоквартирного жилого дома в Будапеште на берегу Дуная. Впрочем, бюрократия, усреднение и широкомасштабная индустриализация вскоре притупили остроту этого инновационного проекта. Наконец, в середине 1970-х годов новое поколение архитекторов рискнуло популяризировать конструктивистское наследие с тем, чтобы хоть как-то «очеловечить» набивший оскомину социалистический модернизм. Но и их усилия погрязли в трясине печально известного «спора о тюльпанах» – в высшей степени политизированного спора об альтернативных представлениях о социальной модернизации. Настоящая статья посвящена историческому и архивному анализу двух первых эпизодов из приведенного выше списка. Эти самые значительные послевоенные попытки воплотить конструктивистские проекты в жизнь были непосредственно связаны как с послевоенными отголосками довоенного радикализма, так и с упрямой верой в социально-трансформативную функцию технологии в сочетании с культурным модернизмом.

В первой части статьи дан обзор конструктивистских проектов по восстановлению Будапешта сразу после Второй мировой войны. Будапешт понес в войне невероятные потери: осада города была одной из самых продолжительных и кровавых битв Второй мировой войны. По масштабу военных действий и нанесенного ущерба битва за Будапешт сопоставима разве что с осадами Ленинграда, Сталинграда и Варшавы, то есть с самыми разрушительными для своего времени примерами боевых действий в городских условиях. Объем разрушений был особенно ощутим еще и потому, что, хотя к разбору развалин и ремонтным работам приступили сразу же по окончании осады, три года спустя, в 1948-м, строители все еще были заняты в основном починкой поврежденных зданий и инфраструктуры. Реконструкция некоторых общественных строений затянулась на еще более долгий срок: ремонт и реставрация Будапештского замка завершились в 1966 году, а разрушенный во время войны мост Эржебет в стиле модерн был заменен современным подвесным мостом лишь в 1964 году.

Тем не менее чудовищные материальные потери предоставляли уникальную возможность в корне пересмотреть само устройство города. Влиятельные архитектурные и градостроительные журналы, такие как *Tér és Forma* («Пространство и форма») и «Будапешт», возобновившие работу в 1945 году, с каждым выпуском публиковали все больше выступлений против простой реставрации – и за полную перестройку Будапешта. Приверженцы радикальной модернизации подчеркивали, что, подобно другим мегаполисам, довоенный Будапешт был порождением спекуляций на недвижимости, игнорировавших гигиенические и социальные потребности горожан; что город утратил связь с природой и стал непригоден для жизни; что модернизация устаревших районов невозможна без реформы структуры землевладения, и то обстоятельство, что жилье строилось из расчета на несколько поколений, на самом деле препятствовало прогрессу. Все они соглашались, что крупномасштабный урон, нанесенный войной, следует рассматривать как повод заменить разрушенные здания, обладавшие многочисленными недостатками, на новые строения лучшего качества.

В ответ на эти заявления и обсуждения возрожденный после войны Градостроительный совет (Fővárosi Közmunkák Tanácsa) – учреждение, отвечавшее за планирование и координирование усилий по восстановлению города, – объединил усилия с городским советом и провел несколько архитектурно-дизайнерских конкурсов, в которых должно было определиться архитектурное будущее Будапешта. Большинство конкурсных работ представляло собой радикальные проекты в духе межвоенного модернизма и конструктивизма. Это неудивительно, учитывая, что самые влиятельные члены нового градостроительного совета были также хорошо известными представителями венгерского модернистского движения во главе с Йожефом Фишером, президентом Градостроительного совета и одновременно главой венгерского подразделения легендарного Международного конгресса современной архитектуры (CIAM). Основные архитектурные конкурсы, проводившиеся в течение 1945 и 1946 годов, включали соревнование на лучший проект многоэтажных жилых домов вдоль Пештской набережной (Magdolnaváros). Помимо прочего, эти проекты предполагали массовое строительство типовых квартир и зданий и тотальную перестройку гостиничного ряда вдоль Дуная в самом центре города.

Однако самый амбициозный из конкурсов, так сказать, «генератор идей» (*újjaépítési ötletpályázat*), объявленный в 1945 году, предусматривал реконструкцию всего города целиком. Многие из представленных на конкурс работ утрачены, но сохранившаяся документация, в том числе краткое изложение решения судейской комиссии, дает понять, что работы были весьма разнообразными. Некоторые из них были не просто смелыми, но фантаσμαгоричными: например, один проект предлагал сровнять замковый холм с землей. Тем не менее, серьезных заявок на конкурс было подано предостаточно. Первое место поделили два широко освещавшиеся в прессе смелых конструктивистских плана тотальной реструктуризации города.

Один из них, заявка архитекторов Ласло Ачаи и Дьёрдя Мазиревича, предполагал полный разрыв с традиционной радиально-кольцевой структурой Будапеш-

та. Вместо этого архитекторы предложили создание «длиннополосного города» за счет крупномасштабной перепланировки Будапешта по оси, идущей с севера на юг, и разделения города на зоны одноцелевого использования (жилые, промышленные, зеленые, ведомственные), располагающиеся вдоль берега Дуная.

Вторая (победившая в конкурсе) заявка – проект авторства Аладара Мюнниха под кодовым названием «Город о четырех углах» (*Négyszarkú város*) – тоже продвигала полосный принцип, однако здесь он применялся не так широко, как у Ачаи и Мазиревич. Проект ставил своей целью устранить недостатки разросшегося города с помощью модернизации и рационализации городских структур и инфраструктур. Добиться этого Мюнних собирался за счет децентрализации, которая сняла бы напряжение с маленького и традиционно перегруженного старого города. Архитектор не стал окончательно отказываться от исторически сложившейся радиально-кольцевой структуры Будапешта, но попытался обновить ее, заменив один центр несколькими: четырьмя «углами», расположенными в непосредственной близости от Дуная, и семью новыми центрами в предместьях и пригородах, таким образом соединив различные части города в некую фигуру, по форме напоминающую узор инея на стекле. Следующим этапом было совмещение этой полицентрической структуры с логикой преимущественно монофункциональных зон, расположенных в направлении с северо-запада на юго-восток по обеим сторонам Дуная.

Несмотря на то, что ни одна из участвовавших в конкурсе заявок так и не была реализована, предлагаемые ими решения отражали эстетические и структурные принципы архитектурного модернизма. Автобусные станции, правительственные здания и профсоюзные административные учреждения возводились в модернистском стиле, резко отличавшем их от построек межвоенных десятилетий, когда модернизм проявлялся прежде всего в жилом строительстве. Это давало архитекторам надежду, что рано или поздно модернизм станет основным архитектурным языком гражданской архитектуры. Наиболее важные для общественной репрезентации типы зданий, такие как Главное управление профсоюза, имели еще и политическое значение: они должны были стать символом политической демократизации и социального «всеприятия» нового послевоенного общества.

Однако коммунистический переворот 1948 года повлек за собой скорую и всеобъемлющую централизацию и насаждение социалистического реализма в архитектуре и градостроительстве. Новые принципы социалистического реализма явно и весьма резко отличались от конструктивистского видения, проявившегося после войны в архитектурных конкурсах и городском планировании. Из этого следует, что главной причиной, по которой идеи и замыслы этих ранних конкурсов оказались невостребованными в процессе реконструкции Будапешта, была не столько их утопичность, сколько резкая смена политического и идеологического климата, начавшаяся в 1948 году.

Во второй части статьи представлен анализ появившихся начиная с 1960-х годов радикальных альтернатив, в частности так называемого проекта «Длинного дома». Венгерская революция 1956 года раз и навсегда порвала со сталинизмом и, заодно, с социалистическим реализмом в искусстве, архитектуре и градостроительстве. К началу 1960-х годов архитектурный модернизм был реабилитирован,

и возведение жилых зданий стало основополагающей задачей архитектуры и городского развития. Идеальное «социалистическое жилье» серьезно обсуждалось как среди широких слоев населения, так и в самых высоких сферах. За прениями последовал ряд архитектурных конкурсов и подробно освещавшееся прессой строительство экспериментальных жилых домов, ознаменовавших начало новой эры оптимизма и нововведений, особенно в том, что касается конструирования, предварительной сборки и индустриализации массового жилищного строительства. Некоторые – немногочисленные – участники жарких дискуссий требовали радикально нового подхода к решению жилищной проблемы. С острой нехваткой жилых помещений надлежало бороться не только количественным приращением, но и качественными изменениями; нужно было отойти от совершенствования устаревших форм и пересмотреть само устройство жилья. В качестве соответствующего всем требуемым параметрам жилья будущего был предложен «общинный дом». Хотя сторонники этого решения в основном предавались фантазиям о том, как будет выглядеть жизнь в предлагаемом ими окружении и мало что могли сказать об архитектурной форме, которая позволила бы эту затею реализовать, юный архитектор по имени Элемер Залотай нашел вполне приемлемое решение вопроса, связанного с новым типом жилья. Более того, Залотай не был просто мечтателем, создававшим утопические проекты исключительно для собственного удовольствия или на радость коллегам-архитекторам. Проект «Длинного дома» поражает тем, что архитектор и в самом деле пытался воплотить свое видение в жизнь и вел переговоры с государством: его мытарства на этом поприще были хорошо известны широкой публике.

«Длинный дом» задумывался как «вертикальный город» высотой в сорок этажей и протяженностью в три километра. Этот расположенный вдоль набережной Дуная комплекс вмещал бы 20 000 квартир, гражданский и торговый центры, школы, больницу, коммунальную кухню и прачечную. Коммунальные удобства должны были располагаться на служебных этажах, между жилыми. Фасад здания был зеленым в буквальном смысле слова: завеса плюща перед балконами служила бы одновременно и защитой от солнца, и регулятором климата, и естественным способом снять остроту ощущения высоты на верхних этажах. Балконы с одной стороны здания выходили бы на Будапештские холмы, а с другой с них открывался бы ничем не перекрытый вид на Дунай. На работу в город жители дома добирались бы с помощью скоростного метро, станции которой планировалось оборудовать на подвальном уровне здания. Полосная конструкция позволяла со временем удлинить здание, то есть продолжить его за пределы северной границы Будапешта. Площади, сэкономленные за счет полосного строительства, могли использоваться под лесные угодья, пруды, спортивные площадки, бассейны, садовые участки и прочие зоны отдыха и развлечения.

В настоящей статье замысел «длинного дома» рассматривается в глобальном историческом и международном контексте, приводятся примеры как местных, так и международных разработок, предшествовавших проекту Залотай (в том числе «жилой единицы» Ле Корбюзье, серии многоквартирных жилых домов, возведенных во Франции и в Берлине в 1950-х и 1960-х годах, а также коммунальные жи-

лые проекты русских конструктивистов 1920-х годов). Статья также предлагает вниманию читателя всесторонний анализ широкомасштабных дискуссий, разразившихся в Венгрии в середине 1960-х годов по поводу проекта «Длинного дома». В завершение статьи подробно рассказывается о крахе проекта после того, как его автор решил эмигрировать в Швейцарию в 1973 году.

Проведенный в статье анализ приводит к заключению, что, невзирая на существенные различия в проектах и в политической обстановке, причиной неудачи конструктивистского проекта в обоих случаях стало обреченное на провал взаимодействие между смелыми интеллектуальными инициативами, консервативными политическими силами и промежуточным геополитическим положением Венгрии. Если сразу после войны конструктивистские эксперименты зачали под давлением всеохватных политических трансформаций и необходимостью координировать культурную политику с развитием событий в Советском Союзе, то в 1960-х наиболее серьезным препятствием представляется бюрократизация архитектуры и градостроительства. Изучение наследия радикальных утопических решений в послевоенной Венгрии обнаруживает также изменчивый характер государственного контроля над архитектурой и городским дизайном. Типичное для социалистического реализма 1950-х непосредственное политическое вмешательство в градостроительство посредством культурной политики в 1960-х сменилось технократическим контролем, осуществляемым посредством технологических изменений (индустриализации), центрального экономического планирования и пятилетних планов, выделявших средства на реализацию проектов массового жилищного строительства. Таким образом, крупномасштабные технологические изменения в виде индустриализации и панельного строительства, считавшиеся конструктивистами, работавшими в межвоенный период, весьма многообещающими и освободительными тенденциями в «новой архитектуре», на деле стали инструментами политического контроля и депрофессионализации. Два рассмотренных в статье исторических эпизода демонстрируют, как радикальный утопизм в целом и конструктивизм в частности попадали в зависимость от разнообразных и разнонаправленных социальных и политических интересов, нередко способствовавших провалу конкретных проектов, и все же не помешавших конструктивизму оставить после себя сложное и непреходящее наследие.

*Перевод с английского Елены Леменёвой,
научный редактор перевода – Елена Богданова*